

О Великой Отечественной войне написано и снято столько, что кажется – мы знаем о ней все: кто, когда куда наступал, каковы были замыслы командующих и как они претворялись в жизнь... Битва за Москву, герои-панфиловцы, Ленинградская блокада, Курская дуга, танковое сражение под Прохоровкой, Берлинская наступательная операция. Наверное, не сыщется в нашей стране человека, который не слышал бы об этих сражениях.

И все же о войне мы знаем очень мало. Потому что у каждого из миллионов ее участников была своя, личная линия фронта, которую он держал, как мог, чтобы в конце концов победить. И не важно, где эта линия проходила – по кромке передовой траншеи или в глубоком тылу. Главное, каждый из этих неизвестных фронтовиков отдавал все для фронта, все для Победы. Одной – общей для всех.

В новой рубрике мы будем рассказывать о тех, кому в те страшные годы не довелось попасть на передовую, и кто, тем не менее, воевал с врагом. Воевал тут, в тылу, на территории нашей области.

СОСНОВСКИЙ «РУБЕЖ»

За всю войну безвозвратные потери здесь составили всего шесть человек, хотя прошли через него тысячи бойцов и командиров Красной Армии.

На юге Карсунского района, среди лесов лежит село Сосновка. Когда-то тут было поместье старинного дворянского рода Родионовых – двухэтажный дом, построенный в начале прошлого века, окружал огромный уютный парк со статуями и фонтанами.

В 1917 году прежние владельцы бежали и освободившуюся усадьбу отдали под детский дом. А несколько позже в ней разместили «нервно-сердечный санаторий», где люди отдыхали и лечились вплоть до июня 1941 года, когда в Сосновку пришла война: отдыхающих срочно выписали, а на базе санатория развернули эвакуогоспиталь № 3286 для «раненых в голову и конечности» – один из тринадцати, появившихся на территории Ульяновской области.

Согласно архивным данным, полученным из Военно-медицинского музея Министерства обороны (Санкт-Петербург), госпиталь был в основном хирургический. Состоял он из отделений: хирургического на 200 коек, неврологического и отделения выздоравливающих на 100 мест каждое. Всего – 400 коек. Примерно полсотни из них стояли в интерьере для такого учреждения не совсем привычном. По воспоминаниям В. Ефимова, мальчишкой прибегавшего навестить раненого дядю, «палатой ему и другим

раненым служил огромный зал со сценической, тяжелыми люстрами, с мозаичной отделкой стен и потолков. Кровать дяди была поставлена на сцене. Тут же стоял и рояль, самый настоящий концертный рояль, поблескивающий черным лаком».

Командовал госпиталем майор медицинской службы Петр Германович Тер-Минасян. Под его началом трудились около 300 человек. Самой многочисленной была медицинская часть – в ней состояло 168 медработников, включая зубного врача и трех аптекарей. Существовало свое подсобное хозяйство, в котором служили портные, сапожники, ассенизатор, печник-маляр, два распиловщика дров и один дровяной сторож.

Доставлять раненых к месту лечения предполагалось поездом до станции Глотовка, а оттуда почти 20 километров по лесной дороге в Сосновку, как придется. Первый санитарный состав прибыл 16 сентября 1941 года.

Татьяна Ивановна Кулиш оказалась самой молодой сотрудницей госпиталя – в то время ей только-только исполнилось 17 лет. Она была инструктором по лечебной физкультуре. Однако приходилось не только заниматься с бойцами зарядкой, но и проводить с ними читательские конференции, писать для них письма товарищам на фронт, искать их родственников и, конечно, принимать «пополнение» в Глотовке. Летом со станции до госпиталя вместе с ранеными добирались пешком.

Продолжение на стр. 38

Шли до 9-го километра, где устраивали привал, отдыхали, пили чай и отправлялись дальше.

Те, кто мог двигаться самостоятельно, шли строем. Сложнее было с неходячими. Зимой для их транспортировки выделялись пара колхозных саней да одна грузовая машина с открытым кузовом. Поездка сопровождалась криками, стонами, мольбами о помощи. И так – изо дня в день.

Из воспоминаний Нины Ивановны Фроловой: «Периодически госпиталь получал сообщение о прибытии санитарного поезда на станцию Глотовка и количестве раненых, которым тут же готовили места. Операционная и врачи были готовы к операциям. Снаряжался обоз со специальной командой, в которую иногда входила и я.

И почти весь день на лошадях в госпиталь везли раненых.

Прием раненых – это страшно: кровь, гной, обожженные тела, стоны, крики, слезы, окровавленные простыни и бинты. Мы обрабатывали раны, засохшее отмачивали, меняли, бинтовали, обертывали частую полуживые тела. Зато какую неопишную радость испытывали, когда, казалось бы, не жилицы поднимались, выздоравливали и отправлялись кто куда, но в основном обратно на фронт».

А Екатерина Осиповна Борисова работала медсестрой в неврологическом отделении, где лежали раненые в голову и контуженные, часто в результате этого ставшие глухими и немые. Однако к концу лечения речь

и слух ко многим возвращались. За все время существования госпиталя в нем умерло от ран шесть человек».

Вспоминает Наталья Филипповна Панкова, работавшая в госпитале медсестрой: «За селом в поле садились самолеты, на которых привозили раненых. Они также поступали на санитарных поездах в Глотовку, откуда их на подводах доставляли в эвакогоспиталь. Больных поступало в первые годы очень много, поэтому кровати были двухъярусными, подушки, матрацы набивали соломой.

Был в госпитале батальон выздоравливающих, которые помогали в хозяйственных делах». А дел хватало. Например, в 1944 году госпитальное подсобное хозяйство посеяло 23 гектара овса, 4 гектара картофеля, около двух гектаров капусты, гречихи... Выращивали также просо, тыкву, огурцы, свеклу, лук, помидоры, кабачки, морковь. Весь освобождающийся рабочий персонал используется для работы на подсобном хозяйстве. В том числе и шестнадцатилетняя тогда Наташа Фролова. «Пшеницу жали серпами, молотили цепями. Ох, и тяжелая это работа, – вспоминает она. – Приходилось и сено заготавливать, на сенокос ездили за Суру, в Новосурское... Но самой тяжелой была заготовка дров: валили, разделявали, возили. Здесь мы забывали, что мы девушки, работали, как мужики».

Но несмотря ни на что «политико-моральное состояние личного состава и раненых эвакогоспиталя здоровое», – сообщалось в политдонесениях, регулярно направлявшихся из госпиталя наверх.

«Во втором полугодии 1944 года медперсоналом госпиталя проделана большая лечебная работа. Несмотря на удаленность госпиталя от ж.д. станции – 18-20 километров, и бездорожье в осеннее-зимнее время, при плохом гужтранспорте госпиталя, все раненые, прибывшие с военно-санитарных поездов, своевременно доставлялись в госпиталь без каких-либо осложнений».

Как правило, с получением известия о прибытии раненых бригада, встречающая раненых, ожидала санпоезда по 2-3 и более дней, что до некоторой степени отрывало врачей и медсестер от лечебной работы в отделениях, но благодаря преданности делу в помощи доблестным

защитникам родины, лечебная работа в отделениях не страдала. Были случаи, когда в непогоду приходилось бригаде во главе с врачами идти пешком, чтобы быть своевременно на вокзале и встретить раненых. Случаев опоздания и отказа в приеме ранбольных не было», – говорится в политдонесении за июль 1944 года.

Согласно этому же документу, в первом полугодии в госпитале находилось 1129 раненых, а во втором всего 782. Это объясняется тем, что линия фронта переместилась за линию государственной границы СССР, и госпиталь стал «глубочайшим тыловым».

И вот, наконец, начался последний год войны.

«31 декабря 1944 года встреча Нового года ранбольных проходила с шефами: секретарем Карсунского РК ВКП(б) тов. Репиным, председателем РИК тов. Терехиным, секретарем РК ВЛКСМ тов. Ухиным и представителями других организаций.

При встрече Нового года для ранбольных шефами был накрыт праздничный стол. Выступали с приветственными речами шефы, с ответными речами выступали больные.

2 января 1945 года для ранбольных Сосновская школа дала концерт художественной самодеятельности, который прошел с большим успехом.

3 января 1945 года для 160 детей сотрудников госпиталя была организована новогодняя елка с подарками.

4 января концертная бригада из ранбольных в составе 8 человек под руководством начальника клуба тов. Астаховой выехала в Бекетовский детдом, откуда было приглашение и высланы подводы».

Некогда грозный враг издыхал, война подходила к победному концу. Это понимали и чувствовали все. Тем не менее известие о Победе оказалось неожиданным. Вновь – слово Н.И. Фроловой:

«Однажды нас разбудили веселым криком: «Вставайте! Кончилась война!!!». Я сначала не поверила. Выглянула в окно и увидела: вывешиваются флаги, бегают люди. От радости заплакала. Мы дружно побежали к корпусу, к памятнику Ленину. Там уже было много народа. Люди обнимались, плакали. Начальника госпиталя с криками ура подбрасывали вверх. Плакали и от радости, и от боли, и от невосполнимой утраты – у меня с войны не вернулись

отец, замученный в лагере в Германии, и брат, погибший под Сталинградом».

Из политдонесения от 10 июля 1945 года: «Политико-моральное состояние личного состава и ранбольных эвакогоспиталя здоровое. Личный состав и ранбольные воодушевлены величием одержанной победы над гитлеровской Германией. По части проведения концертов художественной самодеятельности была проделана следующая работа. Постановление спектакля по пьесе Потемкина «С теплым ветром», дан дневной концерт 19.06 неполной средней школой семилеткой, один концерт силами бригады артистов Ульяновского госцирка, один концерт силами Бекетовского детдома и три концерта силами художественной самодея-

тельности клуба из числа ранбольных и обслуживающего персонала. Таким образом, за июнь месяц было просмотрено 7 концертов.

В июне месяце в госпитале осталось 78 человек ранбольных... Тяжелых больных не было. Материально-бытовое обслуживание ранбольных и личного состава хорошее. Питание ранбольных отличное. Перебоев в питании не было».

Война кончилась. Эвакогоспиталь № 3286 расформировали, а на его месте вновь заработало вполне мирное учреждение – костно-туберкулезный санаторий «Сосновка».

Константин Трофимов

Фото на 38–39 стр. – из областной «Книги Памяти»

